

Отрывки из книги:

Кирилл Финкельштейн. "Императорская Николаевская Царскосельская гимназия. Ученики". СПб.: Серебряный век. 2009. 312 с.

Страницы этой главы посвящены выпускникам Николаевской гимназии братьям Оцу. Их было шестеро, каждый обладал незаурядным талантом, но до последнего времени более–менее известным было лишь имя поэта Николая Оцу. Немногие были знакомы с пронзительными рассказами–видениями о Петербурге и Царском Селе Александра Оцу (псев. Сергей Горный) или с отточенными стихами Георгия Оцу (псевд. Г. Раевский). Лишь узкому кругу специалистов были известны имена обладателя самой большой в мире частной коллекции икон Сергея Оцу, успешного журналиста и фоторепортера Михаила Оцу и талантливого санскритолога Павла Оцу.

В последние годы имена всех братьев Оцу понемногу стали возвращаться из забвения. В 1993 году издается сборник стихов, статей и воспоминаний Николая Оцу, двумя годами позже – его диссертация о Николае Гумилеве. Заметным явлением литературной жизни стало издание в 2000 году воспоминаний Сергея Горного – «Санкт–Петербург (Видения)», получивших восторженную оценку критики. Стихотворения Александра, Николая и Георгия вошли в несколько антологий поэзии. Данная глава написана на основе статьи¹, книги² и электронного ресурса³, посвященных братьям Оцу, и других, поименованных ниже, источников.

Согласно семейному преданию, род Оцу происходит из древнего рода сефардов, то есть евреев, живших в Испании и Португалии примерно со второго века нашей эры до конца 15-го столетия. Во времена инквизиции, когда местные короли вознамерились обратить их в католицизм, представители этой семьи бежали в Голландию, где стали известны, как искусные кораблестроители. В этом качестве один из предков был приглашен Петром I в Россию, где его женили на дочери узбекского князя и поселили в Царском Селе. С тех пор эта страна стала родиной для потомков узбекской княжны и голландского кораблестроителя.

Во второй половине XIX века один их представителей рода Оцу – купец Авдей Мордухович (Маркович) Оцу (1858–1907)⁴, вместе с женой Рахилью Соломоновной (Елизаветой Алексеевной, урожденной Зандлер, 1864–1936) жил в г. Остров Псковской губернии. Здесь появился на свет их первенец Александр (1882–1948). Из

¹ Яковлева Е. П. Разные судьбы: братья Оцу // Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт–Петербургского университета. Т. 3. СПб., 2005. С. 537–554.

² Рудольф Оцу. Оцу – моя семья: Генеалогическое исследование. СПб.: Петербург – XXI век, 2004 (В 2007 году вышло второе, дополненное издание книги).

³ Братья Оцу // История из домашнего архива [электронный ресурс]. Режим доступа: http://kfinkelshteyn.narod.ru/Tzarskoye_Selo/Uch_zav/Nik_Gimn/Otsup_family.htm.

⁴ Во многих статьях и интернет–источниках говорится, что отец братьев Оцу был придворным фотографом в Санкт–Петербурге. Сведения эти ошибочны. На самом деле петербургскими фотографами по фамилии Оцу были три племянника Авдея Марковича.

Александр Адольфович Оцу был фотографом учреждений императрицы Марии Федоровны, владел мастерской на углу Литейного и Бассейной, был удостоен Высочайших наград и благодарностей Императорского Двора.

Иосиф Адольфович Оцу (1875–1934) был владельцем фотомастерской на Литейном 41, фотографировал особ царского Двора, известных политических деятелей и людей искусства.

Петр Адольфович Оцу (1883–1963) создал на протяжении более чем полувека около 40000 снимков, запечатлевших многие крупные исторические события начала XX века, снимал Л. Толстого, Чехова, Горького, Ленина.

Семью Адольфа называли «Кронштадскими Оцу», а семью Авдея – «Царскосельскими».

Острова семья Авдея Марковича переехала в Петербург, где родился второй сын Михаил (1887–1959). Затем Оцупы поселились в Царском Селе. Здесь родились братья Сергей (1889–1974)⁵, Павел (1891–1920), Николай (1894–1958), Георгий (1897–1963) и сестры Евгения (1898–1942?) и Надежда (1901–1958).

Братья Оцупы родились не в Латвии, но с этой страной их многое связывало. Несколько лет они проводили школьные каникулы на Рижском взморье, в Каугерне (ныне Кутури). О времени, проведенном там, Сергей Горный написал несколько рассказов. Три из них напечатаны в журнале «Даугава», 1989, №2, С. 106-115. По сведениям публикатора этих рассказов Ю.Абызова Сергей Горный не раз в студенческие годы жил в Латвии у своего дяди, известного психиатра Макса Шонфельда, лечебница которого находилась в парке бывшего имения Атгазен (ныне Виенибас гатве).

В Риге родились мать братьев Оцуп – Елизавета (Рахиль) Сандер и дочь Сергея Горного (Александра Оцупа) Людмила Ширяева (1924-1996), ставшая основательницей балетной труппы в канадском Монреале (Les Grands Ballets Canadiens). Ее имя и поныне популярно в Канаде, см., например, <http://www.nytimes.com/1996/09/25/arts/ludmilla-chiriaeff-72-founder-of-ballet-company-in-montreal.html>.

ОЦУП АЛЕКСАНДР АВДЕЕВИЧ (псевд. Сергей Горный, 1882–1948), прозаик, поэт–сатирик.⁶

Александр родился в старинном городе Остров Псковской губернии, в семье купца Авдея Мордуховича (Марковича) Оцупа⁷ (1858–1907) и Рахили (Елизаветы) Соломоновны, урожденной Зандлер (1864–1936). Через много лет, в эмиграции, он напишет рассказы «Бамбусь» и «Дед» (Ранней весной, Берлин, 1927), где с большой теплотой будет вспоминать прошедшее в г. Остров детство и горячо любимых бабушку («самая добрая и смешная, т.е. любимая „бамбусь“ на свете») и деда – владельца лавки, торговавшей скобяными изделиями, конской упряжью, стеклом, смолой и нефтью.

Из Острова семья переехала сначала в Петербург, затем в Царское Село. Александр, как и все его младшие братья, учился в Николаевской гимназии, затем большинство из них стали студентами Санкт–Петербургского университета, потом ветры революции и гражданской войны разметали братьев по свету.

После успешного окончания гимназии Александр поступил в петербургский Горный институт, – еще в гимназии проявилась его тяга к точным наукам. В студенческие годы раскрылась и другая грань таланта Александра – литературная. Под

⁵ Года рождения Михаила и Сергея здесь и далее приведены согласно метрическим данным, опубликованным в статьях Е. П. Яковлевой. По сведениям дочери Сергея Оцупа Татьяны Гуляевой, ее отец родился в 1886 году, а его брат Михаил в 1884 году.

⁶ Основные источники раздела: а) *Яковлева Е. П.* Разные судьбы: братья Оцупы // Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт–Петербургского университета. Т. 3. СПб., 2005. С. 537–554. б) *Яковлева Е. П.* К биографии Сергея Горного. Новые материалы (доклад) // ИРЛИ. Межд. научн. конф. Литературный Петербург. 1703–2003. СПб., 2003. в) *Рудольф Оцуп.* Оцупы – моя семья: Генеалогическое исследование. СПб.: Петербург – XXI век, 2004. 130 с. г) *Леонидов В. В.* Сергей Горный // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. М., 1997.

⁷ Во многих статьях о братьях Оцуп говорится, что их отец был придворным фотографом в Санкт–Петербурге. Сведения эти ошибочны. На самом деле известными петербургскими фотографами, снимавшими особ Царского Двора, были дети Адольфа Оцупа – брата Авдея: Александр Адольфович Оцуп – фотограф учреждений императрицы Марии Федоровны, владелец фотографической мастерской на углу Литейного и Бассейной; Иосиф Адольфович Оцуп (1875–1934) – владелец фотографии на Литейном пр. в доме 41 и Петр Адольфович Оцуп (1883–1963) – известный мастер фоторепортажа, снимавший В. И. Ленина, Льва Толстого, Чехова, Горького.

псевдонимом Сергей Горный (от профессии горного инженера) с 1906 года он печатался в периодических изданиях, сотрудничал с журналом «Сатирикон». Фельетоны, пародии и стихи молодого юмориста пользовались большой популярностью.

Окончив в 1908 году с отличием Горный институт, Александр женился на молодой выпускнице Педагогических курсов Екатерине Николаевне Абрамовой (1886 – 1962) и вскоре переехал с ней в Екатеринослав (ныне Днепропетровск). Здесь Александр сделал удачную деловую карьеру: стал директором Днепровского гвоздильного завода, через год – вице–председателем Общества заводчиков и фабрикантов Екатеринославской губернии, занял солидное общественное положение. Как директор, хотя и небольшого завода, он получал тысячу рублей в месяц – оклад, равный губернаторскому. Находил Александр Авдеевич время и для литературной деятельности. В 1912–1917 гг. в Петербурге были изданы четыре книги юмористических рассказов Сергея Горного.

Встретившийся с А. Оцупом в Екатеринославе в 1915 году А. Р. Палей вспоминал⁸, что «литературной работе он отдавал только досуг, который оставался после руководства заводом и выполнения престижных общественных, добровольно взятых на себя обязанностей. Но, вчитываясь в его книги, «почти без улыбки»⁹, с грустинкой жалящие близкую ему человеческую среду, думаешь: это и были для него главным, глубинным».

Грянувшие революция, а затем и гражданская война, положили конец удачно складывавшейся карьере предпринимателя, начался мучительный исход семьи А. Оцупа в эмиграцию. В начале 1918 года Александр Авдеевич был избран председателем Союза украинских заводчиков и фабрикантов и переехал в Киев, откуда с приходом петлюровцев бежал в Одессу. В 1919 году служил на Черноморском флоте в составе подразделений Деникина, при отступлении Добровольческой армии получил штыковое ранение в живот¹⁰, попал в плен к махновцам. С помощью англичан в 1920 году эвакуировался из Новороссийска на Кипр, через полтора года перебрался в Берлин, где уже обосновались мать и братья. Позже к нему присоединились жена с маленькой дочкой, у них был свой путь в эмиграцию. Все имущество семьи было национализировано, нужно было начинать жизнь с начала.

В эмиграции Александр Авдеевич зарабатывал на жизнь профессией инженера¹¹, переводчика и литератора. Здесь он окончательно сформировался, как писатель: писал книги на русском¹² и немецком языках, стихотворения, киносценарии и статьи, публиковавшиеся в немецкой, французской, латышской и испанской периодике. Тяжелый «исход», вынужденная разлука с родиной, не могли не сказаться на творчестве С. Горного.

«Раньше был переселенником и пародистом <...> Потом прошло. Задумался. И сквозь смех явилась (сперва не сразу, такими тихими вечеровыми струями, как воздух

⁸ Сатириконец Сергей Горный // *Палей А. Р.* Встречи на длинном пути: Воспоминания. М., Советский писатель, 1990. С. 145–150.

⁹ В 1914 году в Петербурге вышла книга Горного «Почти без улыбки. Парадоксы. Силуэты».

¹⁰ «...кто–то своим, нашим же штыком ударил меня, взрезал, – и поплыли большие красные круги, то уменьшаясь, то ширясь, и завертели над чужими морями и землями (это мы уезжали на чужбину)» Из рассказа С. Горного «Каугерн».

¹¹ В 1931 году А. А. Оцуп стал председателем правления Союза русских инженеров в Германии.

¹² *Горный С.* Янтарный Кипр. Берлин: Мысль, 1922. (Сб. рассказов); Пугачев или Петр? (Душа народа). Психологические этюды. Берлин: Отто Кирхнер и Ко, 1922; На родине // Альманах «Веретено», Берлин, 1922. (Сб. рассказов); Санкт–Петербург (Видения). Мюнхен: Милавида, 1925; Всякое бывало. Берлин: Арзамас, 1927. (Сб. рассказов); Ранней весной. Берлин: Парабола, 1932. (Сб. рассказов); Только о вещах. Берлин: Петрополис, 1937. (Сб. рассказов) и др.

потеплевший) тихость, пристальная дума. <...> Налетело. Пришли. Ударили штыком. Глубоко заглядывая в глаза, наклонилась смерть. И вся та прежняя жизнь ушла. Навеки. Началась вторая», – писал С. Горный в автобиографии¹³.

Лейтмотивом большинства его рассказов становятся воссозданные с фотографической точностью детали быта и мир вещей прошедшей эпохи, невозвратно ушедшее детство, образы близких: деда, бабушки, родителей, братьев и сестер, жены и дочерей¹⁴. «Его подлинная сила – это способность воспроизводить конкретно пережитое. Он воскрешает прошлое в его бытовой уютности с осязательностью, иногда почти чудодейственной», – писал о нем критик К. Зайцев.

В своих рассказах–воспоминаниях, рассказах–снах писатель проходит по улицам Петербурга и Царского Села, мечтая «...посидеть на третьей ступеньке деревянного Гавриловского дома, посмотреть наверх, на эмалевое, белое небо, без лазури и без облаков, простое белое, русское небо, какого нет в другом месте нигде, и подумать:

– Россия...»

Подлинная жизнь, и «живое, красное биение сердца» навсегда остались для Горного в России, а жизнь вдали от родины превратилась в безрадостные будни: «А проснусь я в чужом месте, для чужого, безрадостного дня, с серым молочным светом, с суетней и пискотней мышинных часов только, чтобы прожить. Часов без краски и без крови. Это значит, что Россия мне только снилась».

В последние годы произведения С. Горного стали возвращаться на родину. Вышедшая в России, в 2000 году, через 75 лет после первого издания, книга Сергея Горного «Санкт–Петербург. (Видения)», вызвала восторженные отзывы критиков, как «самые взволнованные и щемящие, воспоминания» о Петербурге начала XX века.

В одном из рассказов Сергей Горный говорил о себе: «я вовсе даже не писатель, а вроде, как сказать, „повторитель“ прошлого». Действительно, в его рассказах обычно отсутствует сюжет, нет никакой фабулы, мало диалогов. Но то мастерство, с которым он воссоздает из памяти живые картины прошлого, обыденные вещи, становящиеся предметом рассказа, делает Горного незаурядным, неповторимым писателем.

Помимо прозы, С. Горный писал стихотворения, в последние годы были опубликованы его сатирические ранние стихи (Поэты «Сатирикона». Сборник. М–Л.: Сов. Писатель, 1966. С. 283–288), два стихотворения были приведены в статье Е. П. Яковлевой (2005). Одно из них, о гимназической церкви, было опубликовано в первой книге о Николаевской гимназии, другое – «Санкт–Петербург», приводим ниже.

Года, идут, года идут без счета...

Аничков мост...

...Годам потерян счет.

Аничков мост и конь барона Клодта

Закинулся и дальше не идет.

Как он легко поднял свое копыто.

Года идут. Итог всегда так прост.

Не верится, что эта жизнь прожита,

И конь умчался за Аничков мост.

1940

¹³ Калифорнийский альманах. Сан–Франциско, 1934. С. 98–99.

¹⁴ У А. Оцуца было две дочери: Валентина (1914–1997) и Людмила (в замужестве Ширяева, 1924–1996). Еще в Берлине Людмила стала профессиональной балериной, в 1952 году эмигрировала в Канаду, где организовала балет Людмилы Ширяевой, позже преобразовавшийся в балетную труппу «Les Grand Ballet de Canadiens», стала основательницей балетной академии Канады.

С приходом Гитлера к власти Александр Авдеевич Оцуп переехал в Париж. Во время Второй мировой войны переселился в Испанию, умер в Мадриде, похоронен под одной могильной плитой с братьями Михаилом и Сергеем.

ОЦУП МИХАИЛ АВДЕЕВИЧ (псевд. Снарский, 1887–1959)
журналист, фоторепортер¹⁵

В 1903/1904 учебном году Михаил учился в VII классе вместе с Николаем Гумилевым. Младший брат Михаила, Николай Оцуп, «однажды увидел их вместе, и эта чисто визуальная встреча навсегда запомнилась ему»¹⁶. Как и остальные братья, Михаил был круглым отличником, но из-за единственной четверки на выпускных «испытаниях по логике» получил вместо золотой медали серебряную.

После окончания гимназии М. Оцуп поступил на математическое отделение Санкт-Петербургского университета, но вскоре перевелся на юридический, с которого был уволен в 1910 г. «за неуплату». В тот же день, опасаясь лишения отсрочки по отбыванию воинской повинности, при поддержке друга семьи, известного журналиста, выпускника Николаевской гимназии 1896 года Аркадия Руманова, он был зачислен на юридический факультет Психоневрологического института, где проучился до 1918 года.

В 1910-е годы, еще студентом, Михаил пробует себя на журналистском поприще и вскоре становится успешным репортером и фотокорреспондентом. М. Оцуп писал статьи и публиковал фотографии под псевдонимом Михаил Снарский в петербургских газетах: «Новое время», «Биржевые ведомости», «Вечернее время», «Русское слово»; считался одним из лучших среди городских хроникеров и на место происшествий приезжал с фотоаппаратом, обычно одним из первых.

Михаил любил спорт, посещал велосипедный кружок царскосельского циклодрома, участвовал в велосипедных гонках, играл в лаун-теннис на петербургских кортах, где познакомился с первой ракеткой столицы князем Феликсом Юсуповым. Он был знаком со многими летчиками Гатчинской школы, в частности, с легендарным Сергеем Уточкинским не раз летал на аэроплане.

Через издателя Алексея Филиппова Михаил Оцуп–Снарский познакомился в 1914 году с Григорием Распутиным, вошел в его ближайшее окружение и получил возможность фотографировать старца, на чем зарабатывал неплохие деньги. Благодаря связям с охранным отделением полиции, Михаилу и его покровителю Манусевичу–Мануйлову удалось «уберечь старца от некоторых неприятностей и опасностей». В 1916 году, незадолго до убийства Распутина, М. Оцуп поселился поблизости от его дома в Казачьем переулке, д. 13.

Имя Оцупа–Снарского упоминается в книгах о Григории Распутине. Так в книге О. Платонова «Жизнь за царя. Правда о Григории Распутине» (2006) приводятся данные охранного отделения обо всех лицах, посещавших Распутина в 1914–1916 гг. Среди них значится: «Оцуп (литературный псевдоним Снарский) Михаил Авдеевич, охотник военной автомобильной школы¹⁷, бывший студент Психоневрологического института, журналист, аферист, искавший выгод в окружении Распутина, масон». Мы не знаем, был ли, в действительности, Михаил членом масонской ложи и аферистом, скорее всего, в его жизни просто присутствовала авантюрная жилка.

¹⁵ Раздел написан на основе: а) Общие к главе 4 источники (сноски 1–3). б) Сведения петербургского знатока жизни Г. Распутина Михаила Соколовского.

¹⁶ Аллен Л. «С душой и талантом...» Штрихи к портрету Николая Оцупа // Океан времени: Стихотворения; Дневник в стихах; Статьи и воспоминания. СПб: Logos, 1993. С. 3–24.

¹⁷ Во время Первой мировой войны Михаил был зачислен в Военную Автомобильную школу, где служил его брат Сергей. Однако действительно ли он служил там или только числился неизвестно.

Несколько эпизодов из жизни Распутина, в котором упоминается М.Снарский, приводятся в книге В.Пикуля «Нечистая сила. Роман–хроника про Гришку Распутина. 1989». По данным автора книги «Святой дьявол» (1927) Рене Фюлеп–Миллера, Михаил Снарский «почти всегда сопровождал Распутина в его поездках к женщинам, в увеселительные заведения и другие подобные места».

Вскоре после революции, Михаил, вместе с другими членами семьи Оцупов, оказался в эмиграции. Дочь Сергея Оцупа Татьяна Гуляева помнит, что перед войной видела однажды дядю Мишу в их берлинской квартире. В то время его кудрявая шевелюра уже «облетела», и родственники сказали девочке, что его волосы унес ветер, потому что он не носил шляпу на улице¹⁸. Как сложилась его дальнейшая судьба, нам неизвестно, в книге Р.Оцупа упоминается, что Михаил Авдеевич был похоронен в Мадриде под одной могильной плитой вместе с братьями Александром и Сергеем.

¹⁸ Tatiana Oztoup Guliaeff. Patchwork quilt of memories. USA, 2006. Отрывки из книги воспоминаний Татьяны Гуляевой «Лоскутное одеяло памяти», рассказывающие о ее маме – звезде немецкого кино Александре Зориной, отце – Сергее Оцупе и детстве, проведенном в охваченном войной Берлине опубликованы в переводе автора книги на сайте: kfinkelshteyn.narod.ru.

ОЦУП СЕРГЕЙ АВДЕЕВИЧ (1889–1976) кинопродюсер, собиратель икон¹⁹

Третий брат, Сергей прожил самую долгую жизнь из всех братьев – он скончался в Мадриде в возрасте 87 лет. На родине его имя почти неизвестно, а ведь в фильмах, которые он продюсировал, снимались такие звезды, как Густав Фрëлих, Ольга Чехова и Джина Лоллобриджида²⁰, на фотографиях он запечатлен вместе с членами королевской семьи Испании и императором Эфиопии, в предместье Мадрида установлен памятник основателю музея икон Серхио Оцупу.

Как и многие другие неординарные личности, Сергей Авдеевич, видимо, был склонен мистифицировать свою биографию. Даже дата его рождения имеет разночтения. По сведениям родственников Сергея Оцупа и данным статьи, рассказывающей о его биографии²¹, – родился он в 1886 году. Эта же дата выбита на постаменте мадридского памятника дону Sergio Oztouр. Однако в студенческом деле С. Оцупа значится, что он родился в 1889 году. Как мы увидим в дальнейшем и другие «факты биографии», рассказанные самим Сергеем Авдеевичем, не всегда соответствуют действительности.

На основании архивных материалов Е. П. Яковлева (2005) пишет, что после блестящего окончания гимназии Сергей поступил на физико–математическое отделение Петербургского университета, где проучился (с перерывами) до октября 1914 года. Во время учебы, чтобы вносить плату за лекции, он стал сотрудничать с периодическими изданиями, собирая информацию для газет и телеграфного агентства. Уволившись из университета (возможно, из–за финансовых проблем), Сергей продолжил журналистскую деятельность. В это время на его иждивении находились младшие братья Николай и Георгий.

Как член журналистской братии Сергей Оцуп, вероятно, частенько захаживал в 1910-е годы в знаменитый ресторан «Вена» – место встреч столичной богемы и журналистов, где выбирали королем поэтов А. Блока, чествовали Игоря Северянина, где ежедневно бывал А. Аверченко, учинял кутежи и скандалы писатель А. Куприн. В книге А. М. Конечного «Петербургские трактиры и рестораны» (СПб: Азбука–Классика, 2006) приводится страница из альбома известных посетителей ресторана «Вена»²², снабженная автошаржем (шаржем ?) Сергея Оцупа, сочиняющего экспромты за столиком ресторана и образец его стихотворного творчества.

По Пушкину

Куда бы нас не бросила судьбина,
Фортуна нас куда б ни занесла,
Все те же мы – нам целый мир чужбина,
Отечество нам – «Вена» лишь одна!

Сергей Оцуп

¹⁹ Раздел написан на основе: а) Общие к главе 4 источники (сноски 1–3). б) Книга Татьяны Гуляевой «Patchwork quilt of memories» и сведения о Сергее Оцупе, предоставленные ею автору книги.

²⁰ Густав Фрëлих (1902–1987) – популярный немецкий киноактер и режиссер, Джина Лоллобриджида (р. 1927) – всемирно известная итальянская актриса, Ольга Чехова (1896 – 1980) – жена племянника А. П. Чехова – Михаила Чехова, популярная актриса немецкого кино, любимица Гитлера.

²¹ Газета El Alcazar. Madrid. 1970. 7 May.

²² К 10–летию ресторана «Вена» (1913) был выпущен специальный альбом, который содержал автографы и рисунки знаменитых посетителей ресторана.

В 1915 г. С. Оцуп был призван на военную службу в роту Военной Автомобильной школы на правах вольноопределяющегося, а спустя полгода в той же роте он состоял уже в списках как «охотник». Благодаря службе Сергея младшие братья²³ были освобождены от платы за учебу и смогли продолжить образование.

Однако в статье 1970 года, опубликованной в испанской газете и написанной, видимо, со слов С. Оцупа, эта часть его биографии звучит по-другому. Там говорится, что учился он в военной академии, был одним из основателей моторизованной военной части под командованием генерала Секретова, профессором автомобильной школы, командовал моторизованной бригадой во время Первой мировой войны. По сведениям из книги Р. Оцупа (2004), – С. Оцуп был даже генерал–лейтенантом царской императорской гвардии.

Сергей Авдеевич первым из братьев покинул Россию в самом начале 1920-х гг., вскоре после расстрела младшего брата Павла. И опять его собственный рассказ об обстоятельствах побега из России, приведенный в мемуарах его дочери Татьяны Гуляевой (2006), звучит, скорее, как красивая легенда: «Мой отец, благодаря военной службе, командовал железнодорожным автомобилем (дрезиной – К.Ф.), на ней он проследовал в Финляндию и был остановлен только у самой границы. Вместе с отцом в дрезине находились его жена с двухлетним сыном Петей, няня Пети Лиза, братья Александр с женой, Николай, Георгий и последняя любовница отца». Возможно, Сергей с семьей, действительно, покинул Россию на дрезине через Финляндию, но доподлинно известно, что путь в эмиграцию его братьев Александра и Николая был иным.

Вместе с первой женой Евгенией (урожд. Уфлянд), маленьким сыном Петей, ставшим впоследствии Педро, и матерью, С.Оцуп поселился в Берлине. Вскоре он стал успешным кинопродюсером. Это дало ему возможность материально поддерживать других братьев, также покинувших Россию. Именно к нему в Берлин они приезжали, начиная свой путь в эмиграции.

В 1922 году Сергей познакомился с восходящей звездой немецкого немого кино Александрой Цвикевиц, снимавшейся в фильмах под псевдонимом Александра Зорина. Уроженка белорусского города Барановичи, она считалась одной из самых красивых женщин Европы того времени, была знакома с Сергеем Есениным, Владимиром Набоковым и Федором Шалапиным²⁴. Последний даже делал Александре предложение руки и сердца, но она предпочла Сергея Оцупа. В течение десяти лет Сергей Авдеевич ухаживал за Александрой и только в 1932 году состоялась их свадьба. Через три года родилась дочь Татьяна. У нее было целых два крестных отца: звезда немецкого кино Густав Фрелих и большой друг семьи Оцупов, сводный брат рейсмаршала Германа Геринга – Альберт. В отличие от Германа, ближайшего сподвижника фюрера, Альберт Геринг был противником фашизма, он помог покинуть Германию многим евреям, оказывал помощь участникам чешского сопротивления.

Именно с помощью Альберта Геринга, С.Оцупу удалось обзавестись подложными документами, скрывавшими его еврейское происхождение и дававшими право на выезд

²³ Брат Сергея – поэт Николай Оцуп, посвятил ему стихотворение «Автомобиль»: «Яростный рев сомкнутых уст, / Гневная дрожь, рванул, понес, / И на песке примятом хруст / Мягких и розовых колес».

²⁴ В переписке с автором книги Татьяна Сергеевна Гуляева вспоминала, что на стене их гостиной в Берлине висел нарисованный углем автопортрет Федора Шалапина с надписью: «Моей незабвенной, горячо любимой Шуручке от любящего ее Федора». Портрет вместе со всем остальным имуществом квартиры пропал при бомбардировке во время войны.

из Берлина. В Германии Сергей Авдеевич стал именоваться Sergio Otsoup (Серхио Оцуп), считалось, что его предками были испанцы. По сведениям Рудольфа Оцупа (2004), перед началом войны «Сергея, как имеющего еврейские корни, пытались предать его друзья с целью выслужиться перед немцами. Ему пришлось срочно завершить свои дела в Берлине и уехать из Германии». Помог ему бежать в Испанию Альберт Геринг.

Дочь С. Оцупа Татьяна Сергеевна Гуляева, хорошо знающая эту историю со слов матери, в частном письме подтвердила, что покинуть Германию ее отца надоумил Альберт Геринг. Однако на поспешное бегство его отъезда похож не был, все было куда прозаичнее: «Любимец женщин, мой папа с очередной страстной 19-летней возлюбленной отбыл в Испанию, где у него был заключен контракт на производство фильма. Вскоре, однако, молодая женщина освободилась от иллюзий обещанных испанских дворцов, цветущих розариев и поющих серенады прекрасных матадоров. Она собралась и уехала обратно в Германию. Здесь мой влюбчивый папа осознал, что потерял жену и дочь, и написал, чтобы мы присоединились к нему в Мадриде. Но внезапное начало 2-й мировой войны помешало горько-сладкому воссоединению», – писала Т. С. Гуляева в книге мемуаров (2006).

Во время войны с помощью Альберта Геринга и брата Александры Зориной удалось организовать побег сына С. Оцупа от первого брака Педро. Вскоре он воссоединился с отцом, впоследствии стал знаменитым архитектором, умер в 2002 году. И по сей день в интернете можно встретить множество объявлений о продаже фешенебельных вилл, построенных испанским архитектором Pedro Otsoup.

Жена С. Оцупа Александра после войны не смогла найти своего мужа и в 1949 году вместе с дочкой переехала в США. А Сергей Оцуп продолжал жить в Испании, в Мадриде. Здесь к нему пришла мировая известность как коллекционера и знатока икон. Страсть к собирательству и истории иконописи Сергей Авдеевич приобрел до революции. Возможно, толчком к этому послужило принятие православия в 1914 году. Еще в Петербурге он стал обладателем большой коллекции икон, которую сумел сохранить и приумножить в эмиграции. Вот что писала испанская газета El Alcazar в 1970 году о коллекции икон Дона Серхио:

«Шли годы, коллекция Серхио росла во время его путешествий по миру. По оценкам экспертов, в настоящее время она является наиболее полной частной коллекцией в мире. Коллекция состоит из более 1300 единиц, датированных от 10 века до наших дней и представляет все направления иконописи. В частном музее Серхио также представлена литература по истории византийского искусства и иконографии.

В 1951 году, в Мадриде, часть коллекции была представлена на международной выставке „The Holy Land“. Другая выставка была проведена в 1955 году в Мадридской библиотеке. Еще одна – в 1965 году в „Cason del Buen Retiro“, одном из наиболее прекрасных замков Испании, где вся коллекция была представлена в 8-ми залах, расписанных Тьеполо. Она называлась «Иконы Серхио Оцупа». Выставка привлекла международное внимание, ее посетили более ста тысяч человек, включая принца Хуана Карлоса и принцессу Софию. Серхио Оцуп был участником многих научных конференций, им были написаны книги по иконографии.

За достижения в области культуры он был награжден высшей медалью Испании «Cruz de Isabela la Catolica». Среди его наград есть золотая медаль министерства информации Испании, крест Иерусалима и премия мира Дага Хаммершельда (в то

время генерального секретаря ООН – К.Ф.), а также благодарность от Папы Римского». (Перевод с испанского Т.С.Гуляевой).

В состав коллекции С.Оцупа входят русские, греческие и болгарские иконы XV–XVIII веков. Одна из самых интересных – икона Божьей Матери Постоянной Помощи, подаренная царем Иваном Третьим Папе Иннокентию. Первую икону для своей коллекции, икону Иверской Божьей Матери, Сергей приобрел в России, когда ему было 20 лет. Последнюю, незадолго до смерти, – у ветерана испанской «Голубой дивизии»²⁵.

Удивительно, как Сергею Авдеевичу удалось сохранить свою коллекцию при эмиграции из России и «бегстве» из Германии в Испанию. Сын друга семьи Оцупов А.В.Руманова, Даниил, встречался в 1953 году с С.А.Оцупом в Мадриде. Серхио поведал ему историю о том, что накануне Второй мировой войны гестапо узнало о его еврейском происхождении и собиралось арестовать его. «Он тут же бросился к своему знакомому, министру пропаганды Третьего рейха Йозефу Геббельсу, обо всем рассказал ему, и тот не только дал визу на выезд, но даже позволил взять с собой принадлежавшую Сергею коллекцию из 300 икон»²⁶. Думается, здесь опять проявилась любовь С.Оцупа к мистификациям, история эта звучит совершенно невероятно – друг евреев Геббельс. К тому же со слов жены С.Оцупа, знавшей все обстоятельства «бегства из Берлина», Т.С.Гуляева утверждает, что ее отец ненавидел и презирал Геббельса и поддерживал с ним чисто деловые контакты, поскольку министр пропаганды заведовал всей киноиндустрией Германии. Остается, правда, загадкой, как обширная коллекция икон переместилась в Испанию.

Помимо деятельности коллекционера, С.А.Оцуп продолжил работу в кино и в Испании. В 1967 году вышел фильм «Сервантес» с Джинной Лоллобриджидой в главной роли, продюсером которого был Серхио Оцуп. В 1961 году после 22-х лет разлуки, он встретился в Мадриде с нашедшей его дочерью Татьяной, которая отмечала, что «...в последующие 13 лет, вплоть до смерти отца (он ушел в возрасте 88 лет), мы стали не только отцом и дочкой, но и добрыми друзьями, писали друг другу еженедельно письма и радовались неоднократным встречам. Мне было только больно от того, что мои родители так и не встретились вновь.

Сегодня Мадрид является моим любимым городом, там живет дух отца и воспоминания о нем».

Помимо многих известных политиков и деятелей культуры, с Серхио Оцупом «был знаком» знаменитый советский разведчик Штирлиц и его литературный отец Юлиан Семенов. Действие романа Семенова «Экспансия – I» происходит в Испании, куда Штирлиц попадает после окончания войны. Там он навещает дом коллекционера иконок и живописи генерала Серхио Оцупа: «Генерал Серхио Оцуп встретил его у порога; дверь была открыта; жил он в громадной квартире, в самом центре старого Мадрида, в узком доме начала прошлого века, на третьем этаже; запах здесь был – и это поразило Штирлица – русским: ладан, старые книги и самовар, именно самовар с сосновыми шишками, с особым теплом, которое существовало для него только в России».

В 1974 году, незадолго до смерти, Сергей Авдеевич продал свою коллекцию предпринимателю Рафаэлю Оннева, который построил музей икон «Museo de los Iconos»

²⁵ Истории Запада и Востока. Музей православных икон в Испании. Передача радиостанции «Свобода» 13.02.2007.

²⁶ Яковлева Е.П. Аркадий Руманов и братья Оцупы // Зарубежная Россия. 1917–1939. Кн. 2: Сб. ст. СПб: Лики России, 2003. С. 305–312.

неподалеку от Мадрида, в историческом комплексе La Casa Grande, основанном Марией Австрийской в 16-м веке. Перед входом в музей был установлен бронзовый бюст основателя музея Серхио Оцупа работы потомка Диего Веласкеса – Карлоса Веласкеса. И поныне в рекламных проспектах Мадрида «Museo de los Iconos», основанный на коллекции выпускника Царскосельской Николаевской гимназии Сергея Оцупа, анонсируется как одна из наиболее важных культурных достопримечательностей испанской столицы.

ОЦУП ПАВЕЛ АВДЕЕВИЧ (1891–1920), филолог²⁷

Наиболее трагическая судьба выпала на долю Павла Оцупа, его жизнь закончилась, едва начавшись, он был расстрелян большевиками в возрасте 28 лет...

После окончания гимназии, где наибольшие успехи Павел имел в постижении словесности, латинского языка и математики, он поступил на историко–филологический факультет Санкт–Петербургского университета. Вероятно, он был пытливым, одержимым наукой студентом, поскольку совмещал учебу сразу на двух отделениях факультета – словесном и классическом, а также был слушателем Археологического института. Под руководством профессора Бодуэна де Куртенэ Павел изучал сравнительное языкознание, санскрит и тибетские языки он постигал у выпускника Николаевской гимназии профессора восточного факультета Ф.Щербатского и у Сталя фон Гольштейна.

Профессора оценили талант студента, в 1915 году после окончания университета Павел был оставлен на 2 года при кафедре сравнительного языкознания для подготовки к профессорской и преподавательской деятельности. Вскоре П. Оцуп сам стал учить студентов: «Считалось, – для людей, – что Павлик уже профессор, что он уже сам учит студентов палочкам, крючечкам и завиткам санскрита, что он уже большой – ему тридцать лет, – но мы–то знали, что это всего только Павлик, все тот же Сюк, как мы его прозвали в наших странных, неожиданных превращениях» – писал о нем старший из братьев С. Горный²⁸.

В начале 1920 года Павел Оцуп был арестован чекистами: по одной версии за предоставление ночлега офицеру царской армии, по другой, – за участие в собрании эсеров. Наступило время диктатуры пролетариата, а мягкий, интеллигентный профессор–Павлик, никоим образом не походил на пролетария. Вероятно, это усилило его «вину» – в январе 1920 года Павел Авдеевич Оцуп был расстрелян. Возможно, родственники ходатайствовали за Павла перед М. Горьким, именно у него Николай Оцуп пытался прояснить судьбу брата. Об этом, косвенно, свидетельствует запись в дневнике К.И. Чуковского от 19 января 1920 года: «Вчера утром звонит ко мне Ник. Оцуп: нельзя ли узнать у Горького, расстрелян ли Павел Авдеевич (его брат). Я позвонил, подошла Марья Игнатьевна (жена Горького – К.Ф.). “Да, да, К.И. он расстрелян.” Мне очень трудно было сообщить об этом Ник. Авд., но я в конце концов сообщил»²⁹.

²⁷ Раздел написан на основе общих к главе 4 источников (сноски 1–3).

²⁸ Горный С. Кровь // Ранней весной. Берлин: Парабола. 1932. С. 30–41.

²⁹ Комментарии Р.Д. Тименчика // Оцуп Н. Океан времени... С. 600.

Смерть Павла лишила оставшихся в живых братьев, последних иллюзий возможности сосуществования с большевиками, вскоре все они навсегда покинули Россию. Боль утраты любимого Павлика не покидала их до конца жизни.

«Было не только мучительно, но невыносимо думать, – точно кто в живом сердце нож поворачивал, – что Павлик, падая в снег, – его расстреляли из пулемета, – вытянул шею тем же обычным жестом, как он это всегда делал: – точно ему мешал твердый воротник гимназической куртки. Вытянул, да так и застыл. Смотрел на что–то и дотянуться не мог: так и лежал с вытянутой шеей. Думали мы, что и пальцы его бились мелкой дрожью, те самые пальцы, что перебирали игрушки, гладили жирафа, подбрасывали камешки.

Знай мы все это раньше, мы бы насмотрелись на него, подержали его руки дольше в своих, гладили бы его. И еще думалось, нельзя было его убивать, раз те, убившие, не могут создать опять такого же, прежнего Павлика. Павлик был неповторим.

<...> Когда я думаю, что Павлик вдруг упал носом вперед в снег, и снег окрасился его яркой, металлически–красною кровью, – мне кажется, что это вскрыли и мою артерию и что кровь там моя, а не его. Или моя и его вместе, И отличить отдельных струй нельзя» – писал в рассказе «Кровь» (1932) старший брат Александр.

Десятилетия спустя, в Париже, другой брат, Николай, вспоминал Павлика в «Дневнике в стихах» (*Оцуп Н. Океан времени..: С. 183–500*).

Брат мой Павлик, а твои где кости?
Оцуп и Мочульский... Их голов
В университетских коридорах
Помню милый очерк. Вот Петров
Медлит с ними в благосклонных спорах.
Вот коллеги: Вейдле и, в пенсне,
Мастер «Цеха», младший из Лозинских...
Вот и Бодуэн де Куртенэ...
На него с пучком цитат латинских
Мчится Павлик, верный ученик
(Галстук влево съехал, воротник
Вправо)... Где писавший по–санскритски
Дважды или трижды медалист?
Муза, плачь!...

ОЦУП НИКОЛАЙ АВДЕЕВИЧ (1894–1958) поэт, критик, эссеист³⁰

Ему не довелось присутствовать на уроках Анненского, который перестал преподавать еще до поступления Коли в Царскосельскую гимназию. Что было при нем, Николай знал лишь понаслышке от своих товарищей. Но любовь к поэзии Иннокентия Федоровича он сохранил на всю жизнь. В «Автобиографической заметке», написанной в Берлине в 1922 году, Н. Оцуп признается в том, что, хоть «и не узнал его лично», «как поэта любил тогда и до сих пор Иннокентия Федоровича Анненского». Во многом этому поспособствовало знакомство с семьей Хмара–Борщевских – родственников И. Анненского, в доме которых царил «подлинный культ поэта». Николай Оцуп помогал своему приятелю и бывшему однокласснику – племяннику И. Анненского Валентину готовить уроки. «Эти люди сумели заразить меня любовью к Анненскому, дедушке Вали», – напишет потом Н. Оцуп.

После окончания, с золотой медалью, курса в Царскосельской гимназии, «заложив за тридцать два рубля золотую медаль», Николай Оцуп в 1913 году уезжает в Париж, где «с отвращением учился в *Ecole de Droit*», совмещая занятия на юридическом и филологическом факультетах, и с увлечением слушал в Коллеж де Франс лекции знаменитого французского философа–спиритуалиста Анри Бергсона о «сущности и бытии в философии Спинозы³¹».

В августе 1914 года, после того, как Россия вступила в Первую мировую войну, Николай вернулся в Петербург. Здесь он поступил вначале на «специальное отделение юридического факультета» Психоневрологического института, затем, с сентября 1915 года, стал студентом (возможно, вольнослушателем) юридического факультета Петербургского университета. В мае 1916 года Н. Оцуп был призван в армию: служил в запасном пехотном полку, расквартированном в Новгороде, продолжал переходить с курса на курс университета, женился на студентке петроградского Политехнического института. Осенью 1917 года он возвратился в Петроград «с красными флагами, опшавшими броневиками».

К этому времени Николай Оцуп был уже известен в литературных кругах. По возвращении из Парижа (1914), у него были свои стихи, с которыми он выступал у себя дома перед избранными друзьями. В конце 1918 года Максим Горький пригласил Н. Оцупа на работу в издательство «Всемирная литература». Здесь состоялось его знакомство с А. Блоком и Н. Гумилевым, бывшими в издательстве главными редакторами переводов зарубежных поэтов. Николай Авдеевич вспоминал, что его знакомство с Николаем Гумилевым «быстро перешло в дружбу. Он предложил мне помочь ему восстановить «Цех поэтов», быть с ним соредактором сборников «Цеха»».

Нужно было выживать в голодные годы: вместе с Н. Гумилевым и другими поэтами «в нетопленных помещениях» Н. Оцуп «читал лекции в Пролеткульте, в Союзе Молодежи, в Балтфлоте и т. д.» перед промерзшими красноармейцами, матросами и пролеткультовцами; вооружившись мандатами и рекомендательными письмами, путешествовал «на буферах за мукой, <...> с крушениями, арестами, грабежами». Поездки за продуктами были весьма успешными, современники отмечали, что в те годы

³⁰ Раздел написан на основе: а) *Аллен Л.* «С душой и талантом...» Штрихи к портрету Николая Оцупа // *Океан времени: Стихотворения; Дневник в стихах; Статьи и воспоминания.* СПб: Logos, 1993. С. 3–24. б) Общие к главе 4 источники (сноски 1–3).

³¹ *Николай Оцуп.* Автобиография // *Новая русская книга.* Берлин, 1922, № 11–12. С. 42–43.

он выгодно отличался от собратьев по перу «сытым и довольным видом», а А. Блок дешифровал его фамилию, как «Общество Целесообразного Употребления Пищи».

Корней Чуковский писал в «Чукоккале»: «Оцуп был замечателен тем, что временами исчезал из столицы и, возвратившись, привозил откуда-то из дальних краев такие драгоценности, как сушеная вобла, клюква, баранки, горох, овес, а порой – это звучало, как чудо – двадцать ли тридцать кусков сахара». А на довольно злую эпиграмму Георгия Иванова:

Оцуп Оцуп где ты был?
Я поэму сочинил,
Съездил в Витебск, в Могилев,
Пусть похвалит Гумилев.

Так уж мной заведено:
То поэма, то пшено,
То свинина, то рассказ,
Съезжу я еще не раз.

.....

замечал, что «Оцуп был бесхитроsten, добр и питал глубочайшее уважение к поэзии. Из рукописей, полученных им от поэтов в обмен на «пшено», он издавал (или пытался издавать) альманахи, где рядом с Сологубом, Гумилевым, Лозинским печатал (или пытался печатать) и свои произведения»³².

Но никто из знакомых не знал, что несмотря на внешний вид «крепкого, розовощекого молодого человека», Николай Авдеевич страдал в то время серьезной болезнью сердца, требовавшей полного покоя и отдыха в течение 2–3 месяцев (из архивных документов, приведенных в статье Е. П. Яковлевой, 2005).

В 1922 году в издательстве «Цех поэтов» вышел первый сборник Н. Оцуа «Град». Одно из лучших стихотворений сборника, датированное 30-м августа 1921 года, начинается четверостишием:

Теплое сердце брата укусили свинцовые осы,
Волжские нивы побиты желтым палящим дождем,
В нищей корзине жизни – яблоки и папиросы,
Трижды чудесна осень в белом величьи своем.

За несколько дней до этой даты был расстелян чекистами друг и учитель Николай Гумилев, в январе 1920 года – брат Павел. Их потеря стала для Николая Оцуа тяжелой утратой и личным предупреждением. Осенью 1922 года, под предлогом «поправления здоровья» он выехал в Берлин, расставшись до этого с женой. Вскоре в Берлине, ставшем в начале 20-х годов литературной столицей русского зарубежья, оказались и большинство других членов третьего «Цеха поэтов»: Г. Иванов, И. Одоевцева, Г. Адамович. При прямом содействии Николая Оцуа в 1923 году в Берлине были переизданы три альманаха «Цеха поэтов» и был выпущен новый – четвертый.

В середине 1920-х литературный центр эмиграции переместился из Берлина в Париж, туда же перебрался и Николай Оцуп. Здесь, в 1926 году, вышел второй сборник его стихотворений «В дыму», а в 1928-м – поэма «Встреча». Одна из глав поэмы посвящена Царскому Селу: Оцуп вспоминает памятник поэту–лицеисту – «Но там, где, скрытая в ветвях, / Стоит скамья на пьедестале», себя в образе гимназиста – «и бледный профиль гимназиста» и «последнего поэта» И. Анненского:

³² Чукоккала. М.: Русский путь, 2008. С. 336.

Предчувствуя еще в прихожей
Свои же строки, в кабинет,
На сумрак Рембрандта похожий,
О, не последний ли поэт
Вносил с собой и шорох сада
Екатерины, и страх
Бесцветной жизни. Ты, Эллада,
В его слабеющих мечтах
Ты к нашей жизни приближалась
Так часто. Дивная усталость
Перегруженной тишины.
Где Анненский? И где просторы,
В которых он искал опоры?
Как страшно мы утомлены.

В 1930 году Николай Оцуп, обладавший, кроме литературного таланта, прекрасными предпринимательскими способностями, начал издавать журнал «Числа», посвященный вопросам литературы, искусства и философии. Журнал стал значительным явлением в жизни русского зарубежья, благодаря ему смогли добиться литературного признания многие представители молодого поколения эмиграции. С 1930 по 1934 годы в Париже вышли десять номеров прекрасно оформленного журнала, в которых были напечатаны оригинальные произведения свыше ста авторов: Г.Газданова, Ю.Терапиано, Г.Адамовича, З.Гиппиус, Г.Иванова, А.Ремизова, Н.Тэффи, М.Цветаевой и многих других. В номере 7–8 журнала за 1933 год Николай Оцуп опубликовал статью «„Серебряный век“ русской поэзии», где он впервые ввел в обиход термин «Серебряный век»³³ по отношению к ренессансу русской культуры начала XX века.

В 1930-х годах Николай Авдеевич женился на киноактрисе Диане Карэн, ставшей его преданным другом на все оставшиеся годы. В 1939 году был опубликован его роман «Беатриче в аду», повествующий о любви богемного художника к актрисе. Сразу после объявления Второй мировой войны Н.Оцуп записался добровольцем во французскую армию. В Италии во время отпуска он был арестован по обвинению в антифашизме и пробыл в тюрьме больше полутора лет. В 1941 году бежал, был пойман и сослан в концлагерь. В 1942 году ему удалось новый побег, с 1943 года до освобождения он сражался в рядах итальянских партизан. За ряд смелых действий Николай Авдеевич получил военные награды от союзных войск.

В 1950 году Н.Оцуп опубликовал «Дневник в стихах. 1935–1950», – своего рода эпопею или, скорее, поэму лирико–эпического плана. По отзыву Р.Д.Ти-менчика, это «своего рода лирический роман в форме не столько дневника, сколько испещренного бесчисленными отступлениями и размышлениями повествования от первого лица». Написанный ломоносовской строфой в десять строк, «Дневник в стихах» отличается своей монументальностью, он содержит 12 тысяч стихотворных строк и, по оценке критика Ю.П.Иваска, является «памятником последнего полувека».

После войны Н.Оцуп подготовил к печати том «Избранного» Н.Гумилева, в 1951 году защитил докторскую диссертацию о его творчестве. До конца своих дней он продолжал печататься, был профессором парижской «Эколь Нормаль», создавал сборники о русских поэтах для французских студентов, преподавал

³³ *Омри Ронен. Серебряный век как умысел и вымысел. М.: ОГИ, 2000. С. 70–85.*

аспирантам–русистам. Последним прижизненным изданием Н.Оцупа стала драма в стихах «Три царя» (1958), ставившая вопрос о силе веры.

Рано утром 28 декабря 1958 года Николай Авдеевич вышел из дома и «упал в безлюдном месте». Не получив вовремя помощь, он скончался в госпитале от разрыва сердца. Похоронили поэта на русском кладбище Сен–Женевьев–де Буа под Парижем. На могильной плите были высечены строки, написанные Николаем Авдеевичем незадолго до смерти:

Смерть пришла, и наготове
Тело – праздник для червей.
Дух же, в Истине и Слове,
Жив для Бога и людей.

В 1961 году вдова Н.Оцупа издала в Париже два тома его стихотворений под названием «Жизнь и смерть» и два сборника его критических и публицистических работ – «Современники» и «Литературные очерки», подготовленные к изданию самим Н.Оцупом. В 1993 году в издательстве «Logos», С.–Петербург, вышел сборник произведений Н.Оцупа «Океан времени», составленный его французским учеником и исследователем творчества Луи Алленом с комментариями Р.Д.Тименчика. В 1995 году диссертация Оцупа вышла в Петербурге отдельной книгой «Николай Гумилев. Жизнь и творчество».

«Оцуп внес в ноту эмигрантской поэзии свой неповторимый обертон, его поэзию отличают благородство, богатство, ясность языка и цельность стиля. Его простой, бесхитростный, словно слегка приглушенный, но вполне узнаваемый голос, всегда будет подлинным наслаждением для знатока и ценителя поэзии...» – писал в статье, посвященной творчеству Николая Оцупа В.Коростов (интернет–журнал «Самиздат»).

ОЦУП ГЕОРГИЙ АВДЕЕВИЧ (1897–1963)

поэт³⁴

Младший из братьев – Георгий (Бобка) после окончания Николаевской гимназии четыре года (до лета 1920 года) изучал медицину, сначала в петербургском университете, затем в Женском медицинском институте. После расстрела брата Павла эмигрировал в Германию, где продолжил обучение в Берлинском университете, в 1924 году перебрался в Париж.

Георгий с детства сочинял стихи и чтобы не печатать свои произведения под той же фамилией, что и известный в литературных кругах брат Николай, взял псевдоним Раевский. Его поэтическими кумирами были Гете и Пушкин, а отличительной чертой творчества – ясность стиха и приверженность русской классической поэзии.

В Париже Г. Раевский сблизился с поэтом В. Ходасевичем, вошел в литературную группу «Перекресток». Его статьи, стихотворения и рецензии печатались в различных эмигрантских журналах, включая журнал «Числа», в издании которого большое участие принимал его брат Николай. В 1928 г. в Париже вышла первая книга его стихов – «Строфы», вторая – «Новые стихи» – увидела свет уже после войны, в 1946 году. Последний сборник стихов – «Третья книга» – был напечатан в Париже в 1953 году. Одно из лучших стихотворений сборника посвящено поэтическому творчеству:

Поэзия – не томный лепет,
Не темный бред, не грубый рёв,
Она – внезапный шум и трепет
В огне рождающихся слов,

Их радостное столкновение,
Полёт, падение, полёт...
Ее начало – изумление,
И музыка – ее оплот.

Потом, когда остынет лава,
Когда придет иль не придет
Непрочная земная слава, –
Душа по памяти найдет

Тех, полных боли и тревоги,
Незабываемых часов
Как бы зажившие ожоги
На теле неподвижных слов³⁵.

Критики отмечали мастерство Раевского и в то же время его подражание Пушкину и Тютчеву. «Раевский обладает хорошей способностью усвоить и разобраться в поэтическом наследии своих учителей... Несмотря на то, что Раевский порой как бы копирует чужие стихи – все же слышится у него собственное поэтическое одушевление» – отмечал В. Ходасевич.

Георгий Авдеевич принял в эмиграции православие, был прихожанином Сергиевского подворья, почитателем о. Сергия Булгакова. Многие стихотворения Раевского, в особенности стихи из последнего сборника, проникнуты религиозной тематикой. Вера поддерживала Раевского в тяжелые годы войны и немецкой

³⁴ Раздел написан на основе: а) *Леонидов В. В.* Г. Раевский // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. М., 1997. С. 328–329. б) Общие к главе 4 источники (сноски 1–3).

³⁵ *Георгий Раевский.* Третья книга. Стихи. Париж: Рифма, 1953. С. 33.

оккупации: «Есть Бог! Не может быть, чтоб даром / Из пустоты, из ничего / Таким зияющим пожаром / Зажглось такое торжество» (сб. «Новые стихи»).

В отзыве на сборник «Третья книга» Е. А. Траубер писала (Грани, № 21, 1954): «Отличительной чертой поэзии Георгия Раевского является ее одержимость одной идеей. Идея эта религиозная. Поэзия для Г. Раевского – служение высшему. Отсюда – ее строгость, торжественность, ее сакральный характер. Поэт и сознательно, и бессознательно захвачен христианством, в кротком свете которого стираются противоречия, одухотворены и оправданы все явления жизни. <...> Все его существо пронизано „соборностью“, „преодолением раздельности земного бытия“».

Г. Раевский был хорошо знаком с матерью Марией (поэтессой Елизаветой Юрьевной Кузьминой–Караваевой, урожд. Пиленко). Во время оккупации Парижа немцами он одно время скрывался в ее убежище на улице рю Люрмель. В 1949 году в Париже был издан второй сборник «Стихи» матери Марии со вступительной статьей Г. Раевского.

После войны Георгий Авдеевич часто бывал в доме соученика по царскосельской гимназии А. В. Руманова, парижская квартира которого была местом встречи живших в эмиграции писателей и поэтов. Сын Руманова хорошо запомнил облик поэта: «Он был довольно высокого роста, объемистый, закутанный в светло–рыжее пальто с белым шарфом. Приходил всегда один, был немного угрюм, мало говорил, казался одиноким».

В начале 1960-х, когда Г. Раевскому было уже за шестьдесят, он стал отцом двух дочек, появившихся на свет от молодой жены Ханы. Одна из них – Евгения, в настоящее время живет в Швейцарии. Вскоре после рождения дочерей, во время визита в Штутгарт, Георгий Авдеевич неожиданно скончался в возрасте 64-х лет.